

13 стульев

Акробатический дебют

Летел мужик с седьмого этажа,
Спешил в ночи
от мужа Маньки смыться...
И по пути, отчаянно визжа,
Успел-таки за что-то зацепиться.
Теперь висит... а сколько, кто считал?
Зажмурившись, в "костюмчике Адама",
Он жизнь свою, скорбя, "перелистал",
Уже готовый умереть бесславно...
Но вдруг услышал,
смерти пострашней:
"О, Господи, Свят! Свят! Чего я вижу!
А ну-ка, ноги подбери скорей!
Дай подмести мне,
акробат бесстыжий!"
Людмила ЧУДАЕВА,
г. Дзержинск

Рыбак рыбака...

Морозным утречком на льду
Рыбак над лункой колдует.
Позёмка вьётся на снегу,
В лицо студёный ветер дует.
Продрог от пяток до ушей.
И для чего ему рыбалка?..
Из-за каких-то трёх ершей
Губить своё здоровье... Жалко.
На спину ящик и – домой.
Все мысли о тепле, уюте,
Сейчас в постельку бы, с женой...
Да только буркнет та: «Уйди ты».
Тут дом соседа на пути,
Необходимо глянуть, значит,

Сосед же сам просил зайти,
Сказать, что он ещё рыбачит.

Нажал на кнопку у дверей,
Соседка подошла к порогу:
«Ну, заходи, давай, скорей.
Ведь холодно. Ты что, ей богу?!»

Стоит в халатике простом,
Ну, чем она моей-то хуже...
Стройна, красива, и при том
Ведь даже талия поуже.

Такая дрожь пробьёт в любом,
Не убежать же от удачи,
Пока в затоне под бугром
Сосед доверчивый рыбачит.

Нина РЯБОВА,
г. Дзержинск

Миражи

Целый месяц был в запое,
Беспобудно пил и пил.
Типа страшного запомнил,
Без конца за мной следил.

Корчил рожи, строил позы,
И с рогами, вроде бес.
Видно тоже хотел дозы,
В мой стакан подлец залез.

Он махнул рюмашку разом,
Только хрюкнул, как свинья,
Ухмыльнулся, моргнул глазом,
«Хрен тебе оставил я.

Будешь мучиться с похмелья,
Искать рюмки-миражи,
Будешь выть за каплю зелья,
Ты бы душу заложил.»

Таких душ, десятки тысяч,
Пили все и допились.
«А тебя бы надо высечь,
Встань и богу помолись.»

Николай ГЛУХОВ,
г. Лукоянов

Ты часто говоришь мне, что я пес,
Ну пес, пусть от меня воняет псиной,
Но задаю тебе один вопрос:
Сама то ты,
что – выглядишь картиной?

Ты может быть Венерой родилась,
Иль Афродитову всегда
имела поступь,
Но только со балкона сорвалась,
И стала кривовата, с малым ростом.

Ты может быть приятней Жозефин,
Иль Аллу Пугачеву затмеваешь,
Но нос твой превратился
в толстый клин,
А ты еще меня порой ругаешь.

Ну хорошо, я может быть барбос,
Я может быть лохмат и с рваным ухом,
Но разве между нами перекося?
Ответь мне откровенно,
честным духом?

Николай БАКШЕЕВ,
г. Нижний Новгород

Дятловы горы

Мой Нижний

Мой Нижний Новгород святой,
Тебя, как мать свою люблю,
Ты всех чаруешь красотой,
Которую я восхваляю.

Твой Кремль – приволжская звезда,
Святыня древней старины,
И там огонь горит всегда,
Он, вечный, просит тишины.
Мой милый Нижний вновь и вновь
Своим победам счет ведет,
И всенародная любовь
Про те победы песнь поет.
Сверкают золотом купола,
В сень храмов колокол зовет,
За возрождение – хвала,
Ведь это для души полет!

Нина АРАКИНА,
г. Нижний Новгород

Высокое слово искусства

Песенка застольная

Не бойтесь слабости невольной,
Не бойтесь грусти в темный час,
Когда от песенки застольной
Слеза запросится из глаз.

Когда взлетит куплет нестройный,
Хмельным надрывом с ваших уст,
Освобождая с душ застойный,
Лежалый, опостылый груз.

Когда пришпорит словом жгучим,
В сердцах огонь разворошит
И духом, Русским и могучим,
Сломает все и сокрушит.

Не бойтесь слабости невольной,
Мотив слышишь в темный час,
Той русской песенки застольной,
Что навсегда осталась в вас...

Алексей ВИДЬМАНОВ,
г. Нижний Новгород

Письма в номер

Военная сайка

Эту историю рассказала мне женщина, которая во время войны с фашистами жила в городе Горьком и была тогда совсем маленькой девочкой. Сейчас ей уже много лет, но она все так же энергична, весела и не сдается ни каким жизненным обстоятельствам. Зовут ее Валентина Андреевна, а в детстве звали Лялей.

Сейчас много пишут о детях, с малых лет принявших на себя тяготы войны, работая порой наравне со взрослыми. А разве не относится к ним и моя героиня, с пяти лет целыми ночами отсиживавшая в очереди за хлебом, ведь старшим надо было хоть немного выспаться перед работой и учебой? Вот, совсем продрогнув на лютом морозе, в ватном пальтишке, валенках и шали, перевязанной крест накрест, прибегает она домой сменить обувь на теплую, с печи, да растереть начинающие уже белеть щёчки. Хорошо, что в очереди все друг друга знают, и когда начнется переключка, соседки запишут ее новый номер на бумажку, а как вернется, перепишут чернильным карандашом на покрасневшую ручку, зачеркнув старый.

Хлебные карточки... много ли осталось тех, кто держал в руках эти маленькие серые бумажки, от которых зависело, теплится ли еще человеческой жизни? Как ни бери на себя в пять лет обязанности взрослого человека, а разум-то еще детский. Раз весной, когда солнце только-только начинает пригревать, к маленькой добытчице подошла совсем взрослая, лет двенадцати девчонка. Наклонившись к маленькому уху, таинственно шепнула:

– Бегим скорей, на Трудовой сайки дают! Ляля так и замерла. Настоящие бельишки, воздушные, тающие во рту сайки! Она словно почувствовала во рту их сладковатый вкус. Неужели их еще можно попробовать?

А девчонка торопила:
– Скорей, скорей, пока никто не знает, а то народ набегит, ничего и не достанется! А у тебя карточки-то где? Давай я со своими положу, у меня вот какой карман, с большой булавкой.

Карточки исчезли в бездонном кармане, «благодетельница» тут же сорвалась с места и скоро исчезла из виду. Пока Ляля, еще не подозревавшая подвоха, досеменила до магазина, никакой девчонки там не оказалось, а за вопрос про сайки ожидавшие привоз хлеба женщины сочувственно покачали головами:

– Какие сайки, девчонка, да их с начала войны не пекут. Видно, у тебя с головой не все в порядке от голода!

И тогда до девчушки стал медленно доходить весь ужас случившегося. Она своими руками отдала проходимке хлеб, оставила голодной всю семью, да ее убить за это мало! Куда теперь деваться? Домой нельзя, к родным тоже... Может, в тот подвал, где скрывались иногда ребятишки, играя в прятки? И она побрела, глотая слезки, к развалинам. Посидела на уцелевшей ступеньке крыльца, продрогла от пробирающегося под пальтишко ледяного ветерка и, жалобно вздохнув, отодвинула деревянную заслонку подвала. Здесь было тише и теплее, чем на улице. Обессиленная от слез, она прикорнула на пропахшем плесенью старом половичке и задремала, стараясь не слушать таинственные звуки тишины – то ли поскрипывание старых досок, то ли писк разыгравшихся мышей.

Сколько времени она так пролежала, неизвестно, пока во сне не почувствовался голос мамы:
– Выходи, Валечка, пойдем домой!
Она тряхнула головой, но голос не исчез:
– Да не бойся ты ничего, проживем как-нибудь три дня, крупа есть, каши наварим!
Значит это не сон, это мама пришла за ней, она любит ее и не сердится!
Счастливая малышка заметалась по подвалу, ища в темноте лестницу, а мама уже протягивала сверху навстречу ей свои добрые руки.

Как ждали люди, когда закончится эта страшная война и начнется прежняя жизнь, мирная и, непременно, радостная!

Евгения КАРЕЗИНА,
г. Нижний Новгород

Уважаемая редакция! Прошел очередной праздник Победы. Читая районную газету, встретила стихотворение местного поэта «Солдатским вдовам» и очень захотелось поделиться с читателями своей судьбой. Мой отец, Серов Артём Григорьевич, погиб в Великой Отечественной войне 10 июля 1944 г. Был он командиром роты 188 стрелкового гвардейского полка. Эти данные прислали мне из архива Министерства обороны РФ, когда я разыскивала место его захоронения. И мне вдруг очень захотелось написать стихотворение. Вот как получилось...

Войну не помню –
мало лет мне было,
Но опалил меня злой дух войны.
И мамочку мою не пощадила –
Погиб отец – остались мы одни.

Едва концы с концами мы сводили,
Отца не помню. И каким он был.
Отец был добрым –
мама говорила, –
И беззаветно Родину любил.

С войны писал: «Закончится –
приеду,
Врага проклятого
должны мы победить!»

Отцу пришлось
во имя той Победы –
Под Ленинградом голову сложить.

Я не хочу, чтоб это было снова,
Дома, поля в огне.
Сожжённая земля,
И чтоб от крови сделалась багровой
Любимая сторонюшка моя.

Я не хочу, чтобы на поле боя
Вновь погибало тысячи бойцов,
Чтоб стало чёрным небо голубое,
Чтоб оставались дети без отцов.

Алевтина ПРЯХИНА,
с. Б.Болдино

Влюбленные деревья

Сосне и дубу возле корпуса № 1 пансионата ветеранов войны и труда в Зеленом Городе посвящается

Из дальнего детства
мне песня звенит
О том, как рябина о дубе грустит,
Как хочется крепких
объятий того,

Кому нету дела совсем до нее.
Сочувствием к ней преисполнясь
всерьез,
Задумалась девочка:
сложный вопрос!

Нарядные листья,
фигурой стройна,
В уборе из огненных ягод она
Стоит над рекою, любясь собой,
Влюбленных волнуя
своей красотой.

Быть может, дубок тот
чутко простоват,
Не любит худых,
иль цветов аромат

Ему не по вкусу весенней порой,
Когда насекомые выются толпой?
Иль толстой
дубиной-могучей ветлой

Увлечся чудак всю русскую душой?
С тех пор пробежало
полста уже лет,
И вот нахожу я загадки ответ.
У корпуса, где ветеранов приют,
Два дерева в тесных
объятиях растут.

Как красная молния, телом стройна,
Синь неба пронзила гордычка-сосна.
Корявыми ветками низкий дубок
В объятия крепко соседу увлек.
Как малую детку ее бережет,
Под злобным бураном
упасть не дает,

Все тянется в небо
подружку догнать,
Но кроны пушистой ему не достать.
И, скрипнув бессильно корявой рукой,
Сожмет посредине
он ствол молодой.

Стою я, застывши, пред парюю сей
И тихо дивуюсь: все как у людей!
Евгения КАРЕЗИНА,
г. Нижний Новгород